

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИМПЕРСКОЙ ВЛАСТИ В СИСТЕМЕ ИНОРОДЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Одна из особенностей Забайкалья – его многонациональность. Уже в начале XIX в. здесь проживали русские, буряты, эвенки, поляки, евреи и др. Коренное население – эвенки и буряты – занимало от всего населения области 30 %, исповедовало шаманизм и буддизм, общее количество их за 1885 г. составляло 153 835 человек [2, л. 59; 3, л. 56–57]. С момента включения местных жителей в состав России имперское правительство сохраняло лояльность к их верованиям, что было закреплено законодательно. По Уставу об инородцах 1822 года им предоставлялось право исповедовать «языческие» верования по своим обрядам [17, ст. 33], строить молитвенные дома [18, ст. 1106].

Тем не менее, в таком «неблагонадежном» и в столь отдаленном от центральной части России регионе, где значительное число жителей было неправославным, самодержавие желало скорейшего приобщения бурят и эвенков «к русской государственности». В этом отношении огромное значение имела христианизация коренных жителей. Считалось, что в политическом отношении крещеные были более благонадежными подданными, чем их некрещеные соплеменники. В Забайкалье действовала православная миссия. Так, в 1883 г. в области было принято в православие 345 инородцев, в 1886 г. – 354, 1887 г. – 330, 1888 г. – 421 [4, л. 12; 5, л. 11; 6, л. 202; 7, л. 10]. Таким образом, среди коренного населения выделяется сравнительно небольшая категория «крещеных инородцев».

После принятия христианства кочевым народам не надо было менять привычный образ жизни, все права и привилегии сохранялись [18, ст. 1104]. Но по желанию крещеный инородец мог перейти в оседлое состояние. После этого он мог быть причислен к русскому крестьянскому или мещанскому обществу, что ему было не совсем выгодно, так как он терял льготы, которыми пользовался до крещения. Крещеный мог остаться в инородческом обществе, к которому принадлежал до принятия христианства. В таком случае он оставался под управлением «языческой власти», которая, по мнению миссионеров и русской администрации, притесняла и ущемляла его интересы [1]. Именно «языческое начальство» противодействовало в приобретении земли для

крещеных и осуществляло незаконные поборы с населения на содержание дацанов, собирало средства не только с буддистов, но и с христиан, даже несмотря на то, что они жили отдельно и оседло и к тому же не пользовались общими льготами, предусмотренными для остальных некрещеных инородцев. В общем, имперская власть считала, что инородческие власти были главным препятствием в деле христианизации [16, с. 23; 8, л. 11 об.].

Инородческое самоуправление имело сложную структуру, как отмечали окружные начальники, почти не поддавалось контролю со стороны русской администрации. Представители инородческой власти не несли административной ответственности, и большинство из них не владели русским языком [10, л. 58; 13, л. 36 об.]. Так называемые «языческие власти» состояли из трех степеней, нижняя степень подчинялась вышестоящей [17, ст. 57, 74]. Высшей административной степенью для всего племени была степная дума, состоящая из родоначальника, или тайши, избранных заседателей и голов, представляла собой общественное собрание (суглан) [17, ст. 68]. На территории края действовали 5 степных дум: Урульгинская, Баргузинская, Кударинская, Хоринская и Агинская. По наблюдению Верхнеудинского начальника степная дума, сосредоточив в себе функции центральной администрации, влияла на обособленность инородцев [10, л. 58–59 об.].

В составе степной думы находились инородческие управы. Так, например, в Урульгинской их было шесть (Урульгинская, Оловская, Маньковская, Шундунская, Кумертаевская, Онгоцонская) [19, с. 204]. Инородной Управе, состоявшей из головы и двух выборных, подчинялись несколько стойбищ и улусов [17, ст. 11, 55]. Опять же по наблюдению окружного начальства, инородные управы, так же как и степные думы, сложно поддавались контролю, так как существовали фиктивно и не имели постоянного местонахождения [10, л. 58–59 об.]. Стойбище или улус, состоящий из 15 семейств, имел свое родовое управление – низшую степень, в которое входил староста вместе с одним, двумя помощниками [17, ст. 10, 11, 46]. В основном должности родоначальников были выборными, но иногда они наследовались. Практика наследования общественных должностей встречалась в Хоринской степной думе. Как правило, все общественные должности занимали некрещеные жители [10, л. 81].

Так, например, в Хоринской степной думе все 14 инородных управ в лице 14 рядовых голов, а также все 84 родовые управления в лице родовых старост – зайсанов – и рядовых голов явля-

лись некрещеными. Именно эти должности имели большое значение в управлении инородцами, так как составляли 1-ю и 2-ю степени словесной расправы по всем уголовным и гражданским делам, заведовали сбором ясака и разных натуральных повинностей [11, л. 78 об.-79 об.].

Заседатель Хоринской степной думы от крещеных сообщал, что «языческие» власти не допускали христиан до управления и даже не оповещали их о выборах в степные думы и инородные управы. Таким образом, инородцы-христиане были ограничены в выборах главного тайши, что, по мнению заседателя, могло привести к обострению отношений между крещеными и некрещеными жителями [11, л. 78].

В связи с этим на протяжении всего XIX в. в правительственных и местных кругах стали обсуждать вопрос о введении в инородческое самоуправление христиан, которые представляли и отстаивали бы в степных думах интересы крещеных. Высказывались и более радикальные меры. Так, в 1893 г. вице-губернатор Забайкальской области отмечал, что «бурятское и тунгусское население, имеющее обособленное положение, с трудом ассимилировалось с русским». Причину в этом он находил в их самоуправлении, предлагал упразднить должности главных тайшей и установить выборное начало, как у крестьян и казаков [12, л. 13-13 об.]. Некоторые окружные начальники предлагали даже ликвидировать степные думы и сократить инородческие управы [10, л. 58-59 об.]. Читинский окружной начальник полагал, что в интересах православия необходимо предоставить крещеным более почетное положение в инородческом обществе [13, л. 2-3 об.].

По мнению Вениамина, архиепископа Иркутского и Нерчинского, необходимо было заменить всех старшин-язычников христианами или ввести в состав инородческой администрации последних в количестве, способном защитить православных. А где не было такой возможности, назначить к языческим старшинам помощников-христиан, с правом протеста против всех распоряжений языческого начальства, которые они признали бы незаконными и ущемляющими их интересы [10, л. 97 об.-99]. Духовенство, представляя свои предложения на рассмотрение высшей власти, подчеркивало, что эти меры позволили бы решить важные государственные задачи: «Инородческое начальство, состоявшее из христиан, способствовало бы обрусению и оседлости аборигенов, в управлении руководствовалось бы сводом законов Российской империи, в отличие от язычников, следовавших степным обычаям» [1, с. 81-82].

Вносили свои предложения и сами крещенные. Христиане Хоринской степной думы в лице своего заседателя обращались к военному губернатору Забайкальской области с просьбой сделать следующие распоряжения:

1) распределить поровну все должности 14 управ и 84 родовых управления между крещеными и некрещеными;

2) предписать, чтобы выборы главного тайши производились равным числом голосов некрещеных и христиан, и доверенные в степную думу также входили в равном количестве. В случае нарушения паритета выборы считать недействительными, а доверенных со стороны крещеных назначать без различия рода, так как интересы крещеных одинаковы, невзирая на принадлежность к разным родам [11, л. 78 об.-79 об.].

Подобные требования были на деле маловыполнимыми, так как соотношение между крещеными и некрещеными жителями Забайкалья было не в пользу первых. Так, например, в 1884 г. в Баргузинском ведомстве общее число инородцев составило (мужчин) – 5223, из них крещеных – 167 человек, а ламаистов и шаманистов – 5056 [10, л. 11–11 об.].

Тем не менее, попытки ввести в инородческое самоуправление инородцев-христиан были уже сделаны в 1860 г. Член совета ГУВС Гаупт сделал предписание думам, чтобы они избирали в тайши христиан. В 1864 г. генерал-губернатор Восточной Сибири М. С. Корсаков предписал допустить по одному заседателю от крещеных и настоял на вхождении представителя кударинских христиан в Степную думу. Позже его преемник Н. П. Синельников дал распоряжение о замене в инородческом общественном управлении язычников на христиан [1, с. 79, 81–82].

На правительственном уровне проблема была рассмотрена Государственным советом, который постановил, чтобы в «степные думы, в ведении которых состояли крещеные инородцы, назначать выборных и от последних» [10, л. 101–101 об.]. В дальнейшем возник вопрос о распространении этого правила на инородные управы и родовые управления. При этом мнения разных государственных учреждений и лиц по обсуждаемой проблеме не совпадали.

Совет ГУВС в 1867 г. административным порядком принял решение допустить в эти учреждения выборных от крещеных, с предоставлением им права протеста против всех незаконных или невыгодных для христиан постановлений. Это предложение было одобрено министром государственных имуществ и согласо-

но с МВД, а в мае 1868 г. вынесено на рассмотрение Государственного совета, но не получило дальнейшего движения, так как Корсаков, хотя и признавал меру полезной, в то же время считал, что не надо спешить в делах, имеющих связь с религией инородцев [10, л. 90–92 об.].

В 1876 г. этот вопрос был вновь поднят генерал-губернатором Восточной Сибири бароном П. А. Фредериксом. Бывшее Западно-Сибирское управление (ГУЗС) и преемник П. А. Фредерикса генерал-губернатор Восточной Сибири Д. Г. Анучин высказались против. Анучин, хотя и считал, необходимым преобразовать общественное управление аборигенов, но был против введения каких-либо специальных мер для защиты крещеных инородцев Иркутского и Забайкальского края [10, л. 91–93 об.].

Среди администрации Забайкалья также не было устойчивой и определенной позиции. Военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш в 1885 г. сообщал, что на 316 крещеных инородцев приходился один начальник. И так как в Степную думу требовались только одни выборные, то, по его мнению, такой процент представителей от крещеных инородцев вполне соответствовал закону [10, л. 25 об.–26, 50–51].

Подобным образом высказывались и некоторые окружные начальники. Свою точку зрения они аргументировали тем, что предоставление крещеным преимущества в местах, где большинство ламаистов, нарушило бы установленный закон о выборах, могло привести к недоверию правительству со стороны инородцев и к злоупотреблению должностных лиц. А также могло привести к религиозной вражде между крещеными и некрещеными инородцами, что было нежелательным для мирного распространения христианства [10, л. 25 об.–26, 50–51]. Верхнеудинский начальник полагал, что и вовсе нельзя настаивать на выборе в общественные должности из категории крещеных инородцев, так как они являлись людьми неимущими и с низкой нравственностью, и назначение на службу было бы им в тягость, так как инородческие власти не получали содержания. К тому же хоринские инородцы уже не раз обращались в центральную Россию с жалобами на ущемление их прав [10, л. 55–56, 82–82 об.].

Большинство окружных начальников не поддерживало обвинения, выдвигаемые православными иерархами против инородческой власти. Агинский окружной исправник утверждал, что в распространении христианства ни он, ни миссионеры не встречали особых препятствий ни от и родоначальников, ни от

лам [14, л. 36–37 об.]. По наблюдению Читинского окружного начальника Куколь-Яснопольского, старшины-язычники, во избежание нареканий на них русской администрации, и вовсе боялись управлять инородцами-христианами и старались не вмешиваться в их общественное управление. Высказывалось мнение, что христиане-инородцы не оказывали на ламаистов и шаманистов значительного влияния относительно перехода последних в православие [10, л. 25 об.–26, 50–51].

Как видим, представители от христиан все-таки были введены в инородческое самоуправление. Например, в Читинском округе, в который входила Урульгинская и Агинская степные думы, число родоначальников от крещеных достигало 41-го. В Урульгинской степной думе число крещеных инородцев втрое превышало число некрещеных, поэтому все главные должности занимали христиане (председатель думы, заседатели, головы и выборные), и только родовые старосты, выборные в числе 28 человек – ламаисты. В Агинской же степной думе, наоборот, число некрещеных было значительно выше, чем христиан. Поэтому число представителей от крещеных инородцев составило всего 2 человека, 1 выборный и 1 староста [10, л. 13–13 об.]. Несмотря на то, что представители от крещеных входили в самоуправление, они имели лишь номинальную власть без ясно определенных прав, не обладали самостоятельностью, их инициативу всегда могли приостановить на общем суглане [д. 2294, л. 36 об.–38 об.].

Кстати, надо отметить, что Читинский окружной начальник, характеризуя должностных лиц, сообщал, что нарушения совершались только начальством, состоящим из крещеных инородцев. За Урульгинской думой числись постоянно денежные и хлебные недоимки, и, напротив, в Агинской степной думе, где главный начальник – ламаист, повинности несли исправно [10, л. 13–13 об.].

Крещеные и некрещеные жители на выборах родоначальников и их помощников выдвигали кандидатов из своей среды, христиан или ламаистов, и на этой почве у них не раз возникали разногласия. Христиане обращались за помощью к высшей русской администрации, которая рассматривала каждый случай отдельно, и, как правило, на исход выборов повлиять не могла.

Так, Верхнеудинский окружной начальник при выборе кандидата на должность помощника тайши принял сторону некрещеных инородцев, которые выдвинули Самгодеева (ламаиста). Хотя крещеные инородцы с этим выбором не согласились, но так как они оставляли 1/10 часть суглана, их решение не могло ничего изменить. Окружной начальник ссылался на закон, который не

допускал оказывать давления на выборы, просил утвердить военного губернатора Забайкальской области Самгодеева в должности как человека почетного и заслуженного [10, л. 105–107].

Выборные от крещеных вошли в инородческое самоуправление и в других округах Забайкальской области (Баргузинский, Селенгинский, Верхнеудинский), но их число по сравнению с некрещеными было незначительным, все дело было в малочисленности христиан среди общего числа инородцев. В Иркутской губернии, где количество крещеных было довольно значительным, администрация нашла возможность и вовсе упразднить степные думы, а управление коренными жителями сосредоточить в инородных управах с делопроизводством на русском языке и подчинением их полицейским управлениям. В 1891 г. в Иркутской губернии была упразднена последняя Тункинская степная дума [10, л. 140–141 об.].

В Забайкальской области администрация не решалась принимать подобных действий. Так, в 1895 г., после тщательных исследований военный губернатор Забайкальской области Е. О. Мациевский на просьбу Георгия, епископа Забайкальского и Нерчинского, назначить в помощники тайши крещеного инородца ответил, что «немыслимо принимать какие-либо меры ..., пока законным порядком не решится вопрос общественных выборов у инородцев» [10, л. 108–111, 123–124 об.].

Очень остро продолжал стоять вопрос о представительстве крещеных инородцев в местном самоуправлении и в начале XX в., о чем говорит следующий факт. В 1902 г. хамбо-лама Ирекутев обратился к военному губернатору Забайкальской области с ходатайством о замене старого здания дацана на новый. Но военный губернатор Надаров отказал: «Сочувствуя о замене старого здания новым, тем не менее, не могу ходатайствовать об этом, пока буряты не образумятся и добровольно не выполняют волю государя императора по введению нового общественного их управления и суда» [15, л. 1–2 об.].

Таким образом, вопрос о представительстве христиан в инородческих общественных управлениях в Забайкальской области ставился гражданскими и духовными властями в некоторую зависимость от преобразования системы управления Сибирскими инородцами [10, л. 99–99 об.]. Православное духовенство утверждало, что введение христиан в общественное инородческое управление в законодательном порядке позволит увеличить число православных среди коренного населения. А царское правительство, наоборот, считало, что этот вопрос можно будет решить

только тогда когда число христиан-инородцев значительно возрастет. Гражданская же администрация Забайкалья, отвечавшая за спокойствие коренного населения, учитывала многие факторы, такие как геополитическое положение области, национальные особенности и религиозные предпочтения коренных жителей, малочисленность среди них христиан и то, что они были не влиятельны в среде своих соплеменников, действовала осторожно и в большинстве случаев не настаивала на введении христиан в инородческое самоуправление.

Литература

1. Вениамин, архиепископ Иркутска и Нерчинска (сочинения) Жизненные и вопросы православной миссии в Сибири. – СПб. : Тип. А. М. Котомина, 1885.
2. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 6956.
3. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 13556.
4. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2043.
5. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2394.
6. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2218.
7. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2597.
8. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2240.
9. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2243.
10. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2073.
11. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 1798.
12. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 6956.
13. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 2294.
14. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 1662.
15. ГАЗК Ф. 1. Оп. 1. Д. 4157.
16. Епископ Мартиниан. Забайкальская православная миссия в 1870 г. // Б-ка Вост.-Сиб. отдела император. Русского геогр. о-ва, Иркут. краевед. музей. – Пособьск, 1870. – 35 с.
17. Положение об инородцах // СЗРИ. Т. II. Ч. X. Р. 1. СПб., 1892.
18. Законы о состояниях // СЗРИ. Т. II. СПб., 1842.
19. Янков А. Г. Энциклопедия Забайкалья. Читинская область / А. Г. Янков. – Новосибирск : Наука, 2000.

ОСИПОВА О. В.

ЗНАЧИМОСТЬ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Республика Саха (Якутия) является одним из сложных по своему этническому и конфессиональному составу регионов России. По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г., в Республике Саха (Якутия) учтена 141 национальность [1]. Население республики хорошо осознает тот факт, что межэтнические отношения играют заметную роль во всех сферах общественной жизни региона.